

Е. А. Масальская-Сурина

ИСТОРИЯ
С
ГЕОГРАФИЕЙ

Москва

Издательство им. Сабашниковых

ММІХ

УДК [929:81]+82.161.1-94Шахматов А. А.
ББК 81д(2Рос)Шахматов А. А.+84(2Рос=Рус)6-44
М31

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Представительства Университета Осло в Санкт-Петербурге*

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям*

Составитель Т. П. Лённгрен

Перевод с французского (IV часть)

И. В. Матвеевой

Редактор Л. И. Заковоротная

Масальская-Сурина, Евгения Александровна

М 31 История с географией / Е. А. Масальская-Сурина. – М.:
Издательство им. Сабашниковых, 2019. – 568 с.

ISBN 978-5-82420-167-3

Евгения Александровна Масальская-Сурина (рожд. Шахматова, 1862 – 1940), автор «Воспоминаний о моем брате А. А. Шахматове», рассказывающих о молодых годах выдающегося русского филолога Алексея Александровича Шахматова. «История с географией» – это продолжение семейной хроники.

Еще в студенческие годы, в 1888 г. А. А. Шахматов познакомился с норвежцем Олафом Броком, приехавшим в Москву изучать русский язык. Между ними завязалась дружба. Масальская продолжала поддерживать отношения с Броком и после смерти брата в 1920 году. Машинописная копия «Истории с географией» была переправлена Броку и сохранилась в его архиве в Норвежской национальной библиотеке в Осло.

В 1903 году Евгения Александровна выходит замуж за Виктора Адамовича Масальского-Сурина, первое время они живут в фамильном имении Шахматовых. Но в 1908 году супруги решили обзавестись собственным хозяйством. Сначала выбор падает на имение в Могилевской, затем в Волинской губернии. Закладные, кредиты, банки, посредники... В итоге Масальские покупают имение Глубокое в Виленской губернии. В начале Первой мировой войны Виктора Адамовича призывают на службу в армию, а в 1916 г. он умирает от дизентерии. После революции Глубокое оказывается за границей. Евгения Александровна несколько раз приезжает туда, пытается сохранить хозяйство, но с каждым годом это становится все труднее.

Такова история с географией, воспроизводящая атмосферу частной жизни начала XX века, служащая фоном к рассказу об академических делах брата и собственных исторических изысканиях Е. А. Масальской.

© Издательство им. Сабашниковых, 2019

© Т. П. Лённгрен, сост., вст. статья, примеч., 2019

© И. В. Матвеева, перевод, 2019

Находка в Осло

В августе 2016 года в Осло, в архиве профессора славянских языков Олафа Брока, среди несистематизированного и неопищенного материала я нашла рукопись в четырех частях под общим названием «История с географией». Автор этой рукописи – Евгения Александровна Масальская-Сурина (Шахматова, 1862 – 1940), старшая сестра академика Алексея Александровича Шахматова (1864 – 1920), автор «Воспоминаний о моем брате А. А. Шахматове», опубликованных в Издательстве им. Сабашниковых в 2012 году.

В изданных воспоминаниях повествование доходит до 1894 года, то есть до избрания Шахматова академиком. В неизданной рукописи, хранящейся в Москве¹, речь идет о жизни Шахматова-академика с 1908 по 1914 год, а в рукописи, найденной в Осло, повествование доведено до декабря 1919 года. До находки в Осло о существовании последней части воспоминаний известно не было, но о том, что Евгения Александровна хотела завершить воспоминания о брате, упоминается в архивных документах.²

Несмотря на тяжелые условия, сложные отношения с близкими и невероятные страдания, Евгения Александровна не прекращала работу над завершением воспоминаний, в которых светлый образ ее гениального брата-академика показан как бы со стороны, сквозь многогранную призму жизни большой дворянской семьи Шахматовых в период надвигающейся катастрофы революции 1917 года и в первые годы страшных потрясений в стране, охваченной красной чумой.

Найденные в Осло архивные материалы не только проливают свет на судьбу и окружение академика Шахматова в последние годы его жизни, но и приоткрывают неизвестные страницы жизни самой Евгении Александровны, заботливой старшей сестры, верного друга, любящей жены, одаренного исследователя, талантливого писателя и биографа, человека твердой воли и благородной души.

¹ РГАЛИ, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 87, 1920-е годы, 491 л.

² РГАЛИ, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 399, л. 5; НИОР РГБ, ф. 369, карт. 299, ед. хр. 42, л. 87-89.

Е. А. Масальская-Сурина и ее воспоминания

Жизнь Евгении Александровны сложилась так, что самые ее счастливые годы прошли в переездах и закончились трагедией: первые девять лет счастливого детства – в переездах с родителями, рано умершими; счастливые тринадцать лет замужества – в переездах с любимым мужем, скоропостижно скончавшимся в 1916 году.

О личности Евгении Александровны до сих пор известно было немного. Наиболее полное описание ее детских и юношеских лет находится в «Воспоминаниях о моем брате А. А. Шахматове», где по меткому определению И. А. Кубасова¹ «местами автор положительно собой заслоняет маленького брата». ² Именно этот «изъясн» блестящего литературного труда Евгении Александровны помогает наглядно представить картину взросления и становления характера будущей мемуаристки в дворянской семье в последние десятилетия позапрошлого века.

Описание жизни Евгении Александровны в первые двадцать лет прошлого века складывается из мозаичных фрагментов в найденной и теперь публикуемой здесь «Истории с географией», а отрывочные сведения о последних двадцати годах ее жизни, полных горя, страданий, мучений и отчаяния в бесконечной борьбе за выживание, разбросаны по архивам.

В течение четырех лет после переезда в 1894 году в Петербург избранного в академики Алексея Шахматова (Лели, как называли его в семье), энергичная Евгения управляла хозяйством в родовом поместье Губаревке, с Саратовской губернии и продолжала заниматься попечительской деятельностью. В голодные 1899-1901 годы она, как и в 1892 году, занималась устройством столовых для голодающих, яслей для детей, организацией общественных работ по устройству дорог, очистке прудов и колодцев в Херсонской, Таврической и Бессарабской губерниях. Осенью 1899 года норвежский славист Олаф Брок³ был в

¹ Кубасов Иван Андреевич (1875 – 1937), русский и советский литературовед и библиограф, специалист по русской литературе XIX века.

² РГАЛИ, ф. 318, д. 1, ед. хр. 398, л. 1.

³ Олаф Брок (Olaf Broch, 1867 – 1961), норвежский славист, первый профессор славянских языков Университета Осло (1900 – 1937), генеральный секретарь Норвежской академии наук (1924 – 1945), автор фундаментальных трудов по диалектологии и фонетике славянских языков («Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn» [1897], «Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда» [1907] «Очерк физиологии славянской речи» [1910] и др.); перевел на норвежский язык романы Л. Н. Толстого: «Анна Каренина» (1911) и «Братья Карамазовы» (1915). Автор публи-

диалектологической экспедиции на территории южных славян, в Бессарабии. В письме к своему другу со студенческих лет и коллеге А. А. Шахматову он спрашивал: «Это ли Ваша сестра, которая работает в Бессарабии?»¹

По окончании работы в Бессарабии Евгения вернулась в Губаревку и опять занялась управлением поместья. Летом 1902 года Олаф Брок, находясь в России по приглашению Императорской Академии Наук, навестил своего друга Шахматова в Губаревке, где тот с семьей проводил лето, и оставил такую запись в своих «Путевых заметках»: «В третьем доме живет сестра, энергичная Эжени, Евгения, которая сейчас, на самом деле, является управляющим поместья. В ее уютном, красиво обставленном салоне, бывшей библиотеке, с наступлением темноты мы часто пьем вечерний чай».²

В этом уютном доме Евгения готовилась к супружеской жизни. Еще в Бессарабии в Сарате в ноябре 1900 года она познакомилась со своим будущим мужем надворным советником Виктором Адамовичем Масальским-Суриным. В то время Виктор был женат, имел в этом браке двух детей, но брак был очень несчастливый. Влюбившись в Евгению, он пытался развестись, но его жена требовала внушительную сумму денег, без которой не давала согласия на развод. Таких денег у Виктора не было. Мучения продолжались в течение трех лет, и когда уже Евгения стала терять всякую надежду соединиться с любимым человеком, тетя Ольга Николаевна дала будущему зятю необходимую сумму, и вопрос с разводом был благополучно решен.

Но, как оказалось, жениться во второй раз по российским законам того времени было практически невозможно, поэтому свадьба была устроена за границей, о чем 12 августа 1903 года А. А. Шахматов писал своему учителю и наставнику Ф. Ф. Фортунатову³: «Пишу Вам, только что вернувшись из-за границы. Ездил туда с сестрой Евгенией Александровной и тетей устраивать свадьбу сестры. Она должна

цистических работ, впервые переведенных на русский язык и опубликованных в Издательстве им. Сабашниковых в 2018: «Путевые заметки» (1902) и «Диктатура пролетариата» (1923).

¹ NB, Brevs. 337: из письма О. Брока к А. А. Шахматову от 13.1.1900.

² Олаф Брок. Диктатура пролетариата. М., Из-во им. Сабашниковых, 2018, с. 199.

³ Фортунатов Филипп Фёдорович (1848 – 1914), российский лингвист, профессор по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков Московского университета, член Российской академии наук (1902), основатель московской «формальной» (или «фортунатовской») лингвистической школы, один из наиболее значительных лингвистов дореволюционной России, учитель А. А. Шахматова и О. Брока.

была повенчаться с разведенным и утратившим право на вступление в брак человеком. В России трудно было бы устроить такую свадьбу, пришлось бы прибегать к подкупу. Вот почему мы решили ехать за границу. Прямой путь вел нас в Вену. Сначала нас постигла полная неудача, и я ездил в Белград, надеясь добиться там успеха. Но и в Белграде не повезло, пришлось вернуться в Вену. После многих хлопот удалось наше дело, причем оно обставлено со всех сторон самым законным образом. Священник, венчавший сестру, оказался с епископской почти властью, а такая власть давала ему право, по его мнению, разрешить то, что было запрещено нашим духовным судам. Большую нравственную поддержку и помощь я нашел в Северьянове¹, с которым провел несколько дней почти неразлучно. Он и я оказались единственными свидетелями венчания. Ягич², узнавший от Северьянова, что я в Вене, также помог своей телеграммой из Абруцции в местное гражданское правление, ставившее нам некоторые серьезные препятствия».³

Первые пять лет супружеской жизни прошли в Саратовской губернии. Вести хозяйство в имении становилось все труднее. С 1905 по 1908 год Шахматовы распродали почти всю свою землю. «В Саратовском уезде стоял опять период засух и неурожая. Крестьяне совсем не платили аренды, а банк собирал проценты все также усердно; пени росли с невероятной быстротой; приходилось занимать деньги и еще на них платить проценты, чтобы не лишиться последнего достояния на торгах Дворянского банка: так, в последние годы, уходила вся помещичья земля, и не в одной Саратовской губернии! Быстро, на нет, сходила вся дворянская Русь».⁴

Из-за волнений, беспорядков и погромов, охвативших юг России, в ноябре 1905 года по настоянию брата и поддавшись на уговоры мужа Евгения Александровна, находившаяся в ожидании ребенка (первого она уже потеряла), уехала в Петербург. Поскольку в Петербурге тоже было неспокойно, то Алексей Александрович с супругой Натальей Александровной настояли на том, чтобы Евгения Александровна остановилась у них в квартире, и окружили ее заботой и вниманием. Рождение

¹ Северьянов Сергей Николаевич (1840-е – 1918), палеограф, специалист по старославянскому языку, ученик Ф. Ф. Фортунатова.

² Ягич Игнатий Викентьевич (Vatroslav Jagić, 1838 – 1923), филолог-славист, палеограф, профессор Петербургского (1880 – 1886) и Венского (1886 – 1908) университетов, учитель А. А. Шахматова и О. Брока.

³ Алексей Александрович Шахматов. Избранная переписка в трех томах. Том 1. Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Пертцем, В. М. Истриным. Санкт-Петербург, 2018, с. 325.

⁴ Здесь и далее текст воспоминаний Е. А. Масальской «История с географией» цитируется по настоящему изданию.

ребенка ожидалось около рождества, но мальчик родился 14 декабря и в тот же день умер. Алексей Александрович называл его маленьким Декабристом, поскольку он родился в день рождения декабриста Рылеева. «Эта кончина ребенка была так неожиданна, – пишет Масальская, – что Отт¹ назначил совет, чтобы выяснить, кто виноват: ребенок, мать или Институт? Виноватым оказался Институт: неуход, невнимание... Но как было его требовать в дни Московского восстания? Одновременно тогда погибло несколько младенцев (двадцать неудачных рождений)».

Одновременно с тяжелой новостью о смерти сына Виктор Адамович получил долгожданное сообщение о переводе в Минск. С одной стороны, объективно, Евгения Александровна понимала, что для мужа служба в Минске будет намного интереснее и перспективнее, чем в Саратове, но, с другой стороны, одна только мысль о расставании с родными и Губаревкой была для нее невыносима.

В этой сложной ситуации Евгения Александровна продолжала заниматься не только делами, связанными с именем, но и семейным архивом: она привела в порядок, описала и систематизировала обширный и богатый, главным образом вотчинный архив конца XVII – начала XIX веков. Историко-генеалогическое исследование Евгении Александровны² – это «очерк истории нескольких помещичьих семейств и имений Саратовского и Симбирского края. Старинный быт и уклад, родовые отношения, условия землевладения и сельского хозяйства, старо-дворянские службы, сведения генеалогического характера – все это в связанном и талантливо написанном повествовании изложено в статьях Е[вгении] А[лександровны] с такою полнотою, точностью, обстоятельностью и знанием предмета, которые делают ее работу вполне научно значительною»³, – писал генеалог и историк русской литературы, основатель Пушкинского дома Борис Львович Модзалевский.

Переехав в 1908 году в Минск, Масальские-Сурины хорошо устроились в апартаментах гостиницы «Греми». С одной стороны, Евгению Александровну увлекала богатая история и предметы церковной старины Западного края, она стала активным членом Минского церковного историко-археологического комитета, принимала участие в заседаниях, выступала с докладами. Один из докладов Евгении Александровны, прочитанный на торжественном открытии историко-археоло-

¹ Отт Дмитрий Оскарович (1855 – 1929), профессор клинического института великой княгини Елены Павловны; с 1893 года – директор Императорского клинического повивального института.

² Из семейной хроники: [Очерки] в 3-х частях. Е. А. Масальская-Сурина (Шахматова), Москва, 1907-1908.

³ РГАЛИ, ф. 318, д. 1, ед. хр. 400, л. 1-2.

гического комитета, был опубликован в журнале «Минская старина».¹ О научной значимости этой работы свидетельствует тот факт, что она до сих пор остается актуальной для современных исследователей истории Беларуси.²

Но, с другой стороны, как того и следовало ожидать, очень скоро городская жизнь начала тяготить привязанную к земле и хозяйству Евгению Александровну. Однако и жить постоянно в Губаревке она не могла, не желая надолго расставаться с любимым мужем. Поэтому вскоре после переезда на новое место службы в Западный край начались поиски имения, в котором можно было обустроить свой собственный уютный дом, обзавестись хозяйством и тем самым обеспечить не только свое благополучие, но и счастливую старость тети Ольги Николаевны, позаботиться о младшей сестре Ольге и иметь возможность принимать брата и его многодетную семью.

Покупка подходящего имения оказалась делом непростым. Проблемы возникали на каждом шагу: мошенники и аферисты, предлагавшие и настырно навязывавшие свои услуги, продававшие и перепродававшие заведомо убыточные имения с лесом, который был давно вырублен и продан, с обманом и подлогом в размерах земельных участков, махинациями банков и многое другое, что и составило канву «Истории с географией». Пять лет прошло в беспокойных поисках, сложных покупках, переездах, обустройствах, разочарованиях, изматывающих продажах, пока, наконец, в 1913 году не было найдено Глубокое, которым супруги Масальские-Сурины остались очень довольны и с наслаждением окунулись, наконец, в счастливую жизнь. Но очень скоро, в 1914 году, началась Первая мировая война. Практически вся Виленская губерния была оккупирована, враг приближался к Глубокому и находящемуся в нем Березвечскому монастырю. Началась эвакуация. Монахини эвакуировались в центр России, и Масальские-Сурины тоже были вынуждены покинуть свое имение.

Приближение врага, эвакуацию и положение в Глубоком Евгения Александровна описала в рассказе «Записки беженца»³: «Гром грянул

¹ Е. А. Масальская-Сурина. Памятники старины (Лекция). Минская старина, вып. 1, 1909.

² А. А. Егорейченко. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII-VI вв. до н.э. – II в. н.э.), Минск, 1996, с. 4.

³ Е. А. Масальская-Сурина. Записки беженца, Пгр., 1916, с. 10-14. Этот рассказ был переиздан в книге Памяць. Глыбоцкі раён. Мінск, 1995, с. 95-102, и использован в истории описания Березвечского монастыря. Незначительно переработанный вариант этого рассказа был использован Е. А. Масальской-Суриной в «Истории с географией», в главе «Глубокое».

над самой головой: пришел приказ Синода снимать колокола... Два дня снимали колокола Глубокской православной церкви, костела и в Березвечском монастыре... Трудно описать день 1-го сентября в Глубоком... Ежеминутно приезжала и приходила масса народа за помощью и советом. Просили лошадей, просили приютить вещи, просили проходные билеты... В час ночи пришло распоряжение генерала Потапова эвакуировать Глубокое. В 2 часа ночи уже выехала почта, духовенство, монастырь, все акцизное ведомство, доктора, учителя, чиновники, жители, как местные, так и приезжие. [...] Я была в Глубоком в начале октября. Наш мирный городок весь превращен в военный лагерь. Бесконечные обозы с провиантом и снарядами тянутся по всем трактам. Грохочут грузовики, шипят автомобили, скачут казаки. Жилые помещения все заняты войсками. Из брошенного монахинями Березвечского монастыря поднимаются наши летчики навстречу высоко парящему немецкому цеппелину».

С приближением военных действий к Глубокому жизнь в имении сначала содрогнулась, затем пошатнулась и начала рушиться. Виктор Адамович, как офицер запаса был мобилизован. В сентябре 1916 года в одной из служебных командировок он заболел дизентерией и скончался на руках у жены. Так навсегда ушло из жизни Евгения Александровны семейное счастье, радость бытия, первая и последняя любовь.

После кончины мужа Евгения Александровна переехала к брату в Петроград, в квартиру при Академии. В этот трудный период жизни спасением оказалось знание латыни, которую Женя ненавидела в детстве и не хотела ее учить, но все-таки выучила, как того требовало домашнее образование в дворянской семье. Именно переводы скандинавских саг, в том числе и с латыни, помогли ей отвлечься и пережить тяжелую утрату. Инициатором обращения к переводам был брат Леля, к тому времени уже титулованный академик Шахматов. Однако для осуществления задуманного необходимо было найти подходящие для перевода тексты. В России таких текстов не оказалось, поэтому Алексей Александрович обратился за помощью к своему норвежскому другу и коллеге Олафу Брокку: «Очень Вас прошу, помогите сестре. Ее очень волнует мысль дать перевод скандинавских саг, касающихся России. В этой заботе и предстоящей работе она найдет некоторое отвлечение от постигшего ее горя. Я, конечно, и в научных интересах хотел бы, чтобы издание было исполнено как следует, с должной полнотой».¹

¹ Т. Lönngren. «Прошу не гневаться моим вопросам»: диалог переводчика с носителем языка (из переписки О. Брокка с А. А. Шахматовым). Poljarnyj vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies, vol. 19, 2016, pp. 51-67.

О том, что необходимые тексты из Норвегии были получены, переведены и проанализированы с требуемой академиком Шахматовым «должной полнотой», свидетельствуют как сохранившиеся архивные материалы объемом в две тысячи с лишним листов¹, так и письмо Евгении Александровны к С. Ф. Ольденбургу²: «Когда я перевела с немецкого и латинского языка – шесть саг и прочитала их Ал[ексею] А[лександровичу] буквально на смертном одре, за два дня до операции, он был поражен, изумлен тем, что в них выявилось, и выражал свое нетерпенье – скорее приняться за изучение этих древностей и приходил в отчаянье, что не мог ими заняться немедленно».³

Помня слова брата и осознавая важность этих переводов для отечественной науки, Евгения Александровна приложила немало усилий в поисках возможности издания хотя бы малой их части. Однако в начале 1930-х годов даже мысль о подобной публикации считалась крамольной и жестоко преследовалась. В конце декабря 1933 года, когда уже в полную силу фабриковалось «дело славистов» и малейшее сношение с Западом считалось тяжким преступлением⁴, Евгения Александровна писала: «Скажу откровенно, если бы в настоящее время наше прошлое, наша история, не была бы всем ненавистна, я была бы счастлива видеть здесь напечатанной мою рукопись, чтобы советские ученые сконфузили ученых Запада и еще раз – хоть маленький свет, но опять то был бы «lux ex oriente»⁵, но так как это невозможно, то я запросила проф[ессоров] Миккола и Мансикка⁶».⁷ Несмотря на все старания Евгении Александровны, публикации этих работ так и не появились ни в Советском Союзе, ни в Финляндии. Остаются они неопу-

¹ РГАЛИ, оп. 1, ед. хр. 1-11, 2385 л., 17, 7 л.; оп. 2, ед. хр. 12, 131 л.

² Ольденбург Сергей Фёдорович (1863 – 1934), русский и советский востоковед, секретарь Петербургской Академии наук (1904 – 1929). Один из лидеров партии кадетов, член Государственного совета (1912 – 1917), министр народного просвещения Временного правительства (1917).

³ Из письма Е. М. Масальской-Суриной к С. Ф. Ольденбургу от декабря 1933: СПФАРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 375, 2 л.

⁴ Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

⁵ Свет с востока (лат.).

⁶ Иосиф Юлиус Миккола (1866 – 1946), финский языковед, славист, профессор славянской филологии в Гельсингфорском университете. Вильо Йоханнес Мансикка (1884 – 1947), русский и финский филолог финского происхождения, диалектолог, фольклорист, действительный член Академии Финляндии. В феврале 1930 года Миккола и Мансикка были в Москве.

⁷ Из письма Е. М. Масальской-Суриной к С. Ф. Ольденбургу от декабря 1933: СПФАРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 375, 2 л.

бликованными и в современной России, хотя научную значимость эти материалы не утратили до сих пор.

Имение Глубокое, владельцами которого были не только супруги Масальские-Сурины, но и члены семьи Шахматовых, вложившие в его покупку свой капитал, а также Дмитрий, несовершеннолетний сын Виктора Адамовича от первого брака, во время войны переходило из рук в руки: у русских его отбивали немцы, у немцев – поляки, у поляков опять русские... С приходом советской власти Глубокое оказалось у поляков, так что для посещения своего имения Евгении Александровне нужна была польская виза.

Само по себе оформление такой визы было делом несложным, проблема заключалась в другом: советские граждане, получившие визу и уехавшие в Польшу, не имели права вернуться назад в советскую Россию. А Евгения Александровна не могла даже представить себе жизни за границей, оторванной от родных и близких, поэтому всеми правдами и неправдами она пыталась и посетить свое имение, и вернуться назад в Россию. Это было очень непросто, но в 1919 году с большими трудностями, подвергаясь многим опасностям, ей все-таки удалось побывать и Глубоком, и вернуться в Петроград, где ее постигли новые тяжелые утраты.

Начиная с декабря 1919 года, на протяжении восьми месяцев три смерти последовали одна за одной: в середине декабря умерла тетьа Ольга Николаевна, через два месяца, 11 февраля 1920 года, умерла младшая сестра Ольга, а 16 августа после сложной операции скончался любимый брат Лея. Перед смертью Алексей Александрович просил сестру ни в коем случае не оставлять его семью и помогать жене Наталье Александровне заботиться о детях.

Вскоре после смерти Алексея Александровича у его друзей и коллег возникла идея написания воспоминаний о нем, и они обратились к Евгении Александровне с предложением взяться за работу и написать книгу о старшем брате.

И как ни тяжела была утрата, в октябре 1920 года Евгения Александровна приступила к работе над воспоминаниями. В марте 1922 года, прочитав и отредактировав несколько первых глав, Б. Л. Модзалевский дал высокую оценку этому труду: «Талантливая писательница, обладающая даром художественного и живого изложения, Е[вгения] А[лександровна] сумела сделать свое произведение высокозанимательным и ценным по существу; будучи привязана к брату самыми нежными чувствами старшей сестры, она была всегда в курсе его личных и научных интересов, всей его работы, была ближайшею свидетельницей развития его исключительных дарований, поддерживала горевший в нем с детства священный огонь, переживала с ним все его

горести и радости, была очевидицею и участницею его общественной деятельности и во время разлуки поддерживала с ним оживленную переписку; в своих письмах к сестре покойный ученый откровенно высказывал ей все, что его занимало и волновало и в них, как в зеркале, отразился весь его прекрасный нравственный облик, виден весь его душевный мир, ясен ход его развития с малых лет до зрелого возраста. Составленный на основании этих и других семейных писем и бумаг, труд Е. А. Масальской-Суриной, умело использовавшей для него и свои личные, очень отчетливые и богатые воспоминания, – представляет собою явление высокой ценности и значения».¹

В то время, пока Евгения Александровна работала над воспоминаниями о брате и каждый день боролась за выживание семьи, надвигалась опасность потери Глубокого. Для того, чтобы не потерять имение, оказавшееся на территории Польши, и чтобы спасти для детей Шахматовых хотя бы часть капитала, в него вложенного, необходимо было срочно, в связи с начавшейся в 1921 году реэвакуацией беженцев в Польшу, переоформить имение в соответствии с польскими законами на имя Евгении Александровны. Для совершения этой процедуры требовалось ее личное присутствие, но из-за ареста по наговору, подписке о невыезде и суда поехать в Глубокое она не могла.

В то время в Глубоком находился бежавший туда сын покойного Виктора Адамовича и пасынок Евгении Александровны Дмитрий. Но справиться со сложным и хлопотным делом переоформления имения молодому, неопытному, нервному, болезненному Диме без Евгении Александровны и посторонней помощи было не под силу.

Положение казалось совершенно безвыходным, и Евгения Александровна обратилась за помощью к норвежскому другу покойного брата Олафу Броку, который сразу же откликнулся на ее просьбу, без промедления связался с норвежскими официальными представителями в Польше, отправил необходимые доверенности, письма и телеграммы, задействовал польских адвокатов, и сложный вопрос о спасении имения Шахматовых в Глубоком был решен быстро и эффективно. В архиве Брока среди незарегистрированных писем я нашла три письма Евгении Александровны, из которых становится ясно, что без помощи норвежского профессора спасти Глубокое для семьи Шахматовых вряд ли было возможно.

Как следует из этих писем, спасением Глубокого помощь Брока семье покойного друга не закончилась: через норвежского профессора шла переписка Евгении Александровны с пасынком и братом мужа, оказавшимися за границей; он хранил в норвежском банке деньги,

¹ РГАЛИ, ф. 318, д. 1, ед. хр. 399, л. 4.

принадлежавшие детям друга, и пересылал их вместе с набежавшими процентами по первому требованию Евгении Александровны по по указанному ею адресу; оказывал всевозможную материальную поддержку семье Шахматовых через своих друзей и знакомых дипломатов, посещавших или находившихся в то время в России.

В конце сентября 1921 года Евгения Александровна писала: «Многоуважаемый, дорогой Олаф Иванович!¹ Я замедлила со своим ответом, пот[ому] что хотела Вам написать что-либо определенное по поводу двух самых жгучих вопросов наших: переезда на другую квартиру и намерения поехать в Г[лубокое]. Эти вопросы me tenait en suspens² все лето, но вот и октябрь на днях, а переезд из Акад[емии] все оттягивается, а поездка в Г[лубокое] все затруднительнее. Но вчера я получила второе Ваше письмо с письмом Димочки, пасынка моего. Спасибо Вам, тысячу раз спасибо! Вчера же, почти одновременно, я получила письмо из Г[лубокого] же со случайной оказией. Оба эти письма наконец выяснили мне немножко все положение дела. Пасынок с тетушкой своей прибыл в Г[лубокое] 18-го июня, а за несколько дней до приезда имение уже было описано, чтобы быть сданным в казну (!)...

Посланный за мной еще с Пасхи (управляющим моим) человек не достиг до меня и чуть не погиб. Дима стал хлопотать. Полученная телегр[амма] и доверенность через Вас помогли ему; помогли ему и виленские друзья-родные, и Вы, дорогой Олаф Иванович, пот[ому] что Дима после трех лет мытарств и несчастий совсем разболелся, выдержал в августе операцию, чуть не лишился глаза, в страшном ревматизме и пр. и пр. Препятствий было много, но 14-го сент[ября] Г[лубокое] было спасено, только 14 сент[ября]! Об этом прислали мне сказать, и вчера только я могла вздохнуть свободнее. Но они продолжают настаивать на необходимости переезда, прислали денег и пропуск. Но... выехать не так легко или вернее почти невозможно легально, а нелегально я не могу и не хочу! Быть может друзья мои что-нибудь да придумают.

И вот опять пишу Димочке через Вас. Не откажите, дорогой Олаф Иванович. И пошлите прилагаемое письмо Димочке в Г[лубокое] и Шван[ебаху] в Вильну. Посылаю открытыми, чтобы Вы всегда могли их просмотреть.

В первом письме Вашем Вы опять приложили. Я буду жаловаться Нине Ивановне,³ дорогой Олаф Иванович. Ведь я у Вас буду в таком долгу, что я никогда с Вами не расплачусь.

¹ Так русские друзья звали норвежца Олафа Брока.

² Держали меня в напряжении (фр.).

³ Так звали в России жену Олафа Брока норвежку Нину.

Шлю Вам от многих, многих русских друзей Ваших за память Вашу о России благодарность, поклон и привет. Позвольте мне еще через некоторое время еще написать Диме насчет скорой поездки в Глубокое, а тогда у меня будет большая, большая просьба к Вам: сохранить то, что я смогу выручить от ликвидации части имения, поместив ли в банк или во что другое, сохранить для детей брата, потому что переводить сюда, значит лишить их всего. Но об этом позже, а пока надо придумать, как поехать туда! Пока крепко целую Нину Ивановну и шлю Вам от себя и семьи брата самый искренний привет».¹

О том, как развивались события в Глубоком после его переоформления, а также о помощи Брока, речь идет в следующем письме Евгении Александровны, написанном через несколько дней после предыдущего: «Многоуважаемый и дорогой Олаф Иванович! Опять с просьбой к Вам: я злоупотребляю Вашей любезностью! Прилагаю письмо с просьбой его переслать пасынку моему. Но если Вас это затрудняет, если это же и стоит денег, подумайте – только благодаря Вам дети брата моего сохранили что-нибудь! Только благодаря вовремя поспевшим телегр[амме], доверенности и письму, пасынку удалось после трех месяцев хлопот – отстоять наши права на имение, которое иначе было бы конфисковано! Теперь другой грозный вопрос – необходимость ликвидировать часть земли, которой все же 1700 десят[ин], иначе излишек земли отберется. Кроме того, если к весне не восстановить совершенно разоренное хозяйство, имение опять будет конфисковано. Надо ехать, п[отому] ч[то] без моего личного присутствия осуществить купчую на массу мелких участков, запроданных нами еще во время войны, – невозможно, а вот последнее очень мудро!»

Дима, пасынок сумел даже переслать денег на дорогу, с оказией, и зовет скорее. Но я не могу даже начинать хлопотать об отъезде, пока здесь не решится вопрос – не удастся ли перезимовать еще в акад[емической] кв[артире]? Это зависит от возвращения из-за границы того академика, которому назначена эта квартира. Ждут его со дня на день, а переезд – да с наставшими холодами – это трата кошмарная! Потому же стоит не тысячи, а миллионы. Выручить эти миллионы продажей вещей тоже нелегко! Словом, все это очень и очень трудно, но необходимо, как горькое лекарство, и весь вопрос во времени, т. е. если бы можно было оттянуть переезд до весны, тогда бы я зимой могла покойнее съездить туда, хотя слово съездить теперь почти не подходящее. Можно еще уехать из Совдепии, но вернуться – нет, и в этом вся моя трагедия. Но безвыходных положений не бывает, и, м[ожет]

¹ NB, Brevs. 337 (незарегистр.): письмо Е. А. Масальской-Суриной к О. Броку, без даты, но исходя из содержания следующего письма, его можно датировать второй половиной сентября 1921 года.

б[ыть], найдется и этому выход, а пока прошу Вас отослать Диме мое письмо. Дойдет ли оно по этому адресу? Нине Ивановне и Вам шлем самый искренний и душевный привет!»¹

Положение семьи Шахматовых в 1922-1923 годах было очень тяжелое, но друзья, ученики и коллеги, старались хоть как-то поддерживать близких покойного академика. Чтобы выхлопотать хлебную карточку, Б. Л. Модзалевский написал отзыв о работах Евгении Александровны в пайковый комитет при Доме ученых, а Д. М. Приселков² обратился за помощью к Олафу Броку: «Милостивый государь Олаф Иванович! Беру на себя смелость, лично не зная Вас, обратиться к Вам с некоторою просьбою. Семья моего учителя и друга А. А. Шахматова продолжает бедствовать, потому что у нас нет теперь никаких пенсий, никаких обеспечений даже за заслуги столь выдающихся людей, как покойный Алексей Александрович. Помочь нам, ученикам его, – невозможно, потому что мы бедствуем сами, хотя и в меньшей степени, чем прежде. От покойного остались труды, драгоценные и обширные, но их сейчас печатать, конечно, никто не будет». Далее Приселков просит норвежского профессора организовать публикацию этих трудов за границей, чтобы семья получила за них гонорар. «Разумеется, что семья Алексея Александровича совершенно не знает ничего о моей настоящей просьбе».³ Сведений о том, были ли организованы такие публикации, нет, но в письмах Евгении Александровны часто упоминается о том, что Олаф Брок лично помогал семье покойного друга.

Следующее письмо Евгении Александровны датировано мартом 1924 года, но о том, что в 1923 году, после возвращения Брока из России в Норвегию, его переписка с Евгенией Александровной не прекращалась, можно судить по письму П. Л. Маштакова⁴ от 15 августа 1923 года: «Дорогой Олаф Иванович! Хочу воспользоваться случаем отправить Вам письмо через курьера И. И. Вульфсберга⁵ (об этой возможности любезно сообщила мне Евг[ения] Алекс[андровна]). [...] Вообще [...] дела, как не стало Алекс[ея] Алекс[андровича], идут неважно.

¹ NB, Brevs. 337 (незарегистр.): письмо Е. А. Масальской-Суриной к О. Броку от 10.10.1921.

² Приселков Дмитрий Михайлович (1881 – 1941), российский и советский историк, декан факультета общественных наук (ФОН) Петроградского университета (1920 – 1921) и исторического факультета ЛГУ (1939 – 1940).

³ NB, Brevs. 337: из письма Д. М. Приселкова к О. Броку от 30.1.1923.

⁴ Маштаков Петр Лазаревич (1872 – 1942), преподаватель русского языка, ученый корректор ОРЯС.

⁵ Иван Иванович Вульфсберг, норвежский подданный, архангельский предприниматель, был хорошо знаком и сотрудничал с О. Броком и дипломатом-невозвращенцем К. М. Гүлькевичем.

Чуть не каждый день все еще приходится вспоминать его. Сегодня же как раз соберемся на его могиле – в день кончины – три года назад, но кажется – так недавно: так свежа память у всех о нем. Впрочем это м[ожет] б[ыть] мое личное впечатление, п[тому] что я чуть не каждый день бываю у Шахматовых. Спасибо Вам за память обо мне в письме к Евг[ени] Алек[сандровне].¹

Последнее сохранившееся письмо Евгении Александровны к Олафу Броку датировано 15 марта (1924 года²): «Дорогой Олаф Иванович! Me Gr. Henri³ с своим прелестным мальчиком занесла мне Ваше письмо от 13.2. Хоть и медленно, но почта доходит таким образом верно, и я пользуюсь ее разрешением послать Вам ответ. Ив[ан] Ив[анович] только еще не передал мне письма, пришедшего в его отсутствие, но я выберу время его реквизиовать. А пока я скажу Вам, что Рих[ард] Петр[ович] Вам, вероятно, уже передал, что мы согласовали наши счета... И я надеюсь, что из «Profond»⁴, как мы зовем условно Глуб[окое], Вам вышлют скоро денег. Заминка произошла из-за громадной пошлины за ввод в наследство⁵, т. е. долю покойной сестры... Теперь мой beau frère⁶ поехал в Варшаву хлопотать о разрешении продажи полевой земли и тогда, получив парцеляц[ионный] план, преступит к ликвидации.

¹ NB, Brevs. 337 (незарегистр.): письмо П. Л. Маштакова к О. Броку от 15.8.1923.

² Год не указан, но он определяется по событиям, о которых идет речь в письме.

³ Личность не установлена, вероятно кто-то из жён скандинавских дипломатов в Петрограде.

⁴ Глубокий (фр.).

⁵ По этому поводу 6 января 1924 года Олафу Броку писал из Либавы (Латвия) родной брат покойного мужа Евгении Александровны Дмитрий Адамович Масальский-Сурин: «Глубокоуважаемый Олаф Иванович! Ваше письмо от 14/XII [1]923 получил; благодарю Вас за Вашу готовность исполнить просьбу нашего общего друга Ф. Ф. Шванебаха, которому я уже и сообщил о тех формальностях, кои необходимы о помещении его денег у Вас. При этом прилагаю письмо для Евгении Александровны, которое прошу Вас ей переслать. В середине января еду в Польшу, в имение Глубокое. В настоящее время нами уплачена наследственная пошлина и таким образом Евгения Александровна утверждена в праве наследства, с чем ее можно поздравить, т. к. это стоило нам громадных усилий и хлопот. Очередная моя задача провести в жизнь тот документ, который Вы нам послали в ноябре минувшего года, т. к. польские власти не примиряются с фактом владения земельным имуществом подданными советской России. Если будет от Евгении Александровны корреспонденция на мое имя, не откажите ее переслать на мой латвийский адрес, т. е. сюда, в Либаву. Это путь более надежный и более скорый. Искренне Вас уважающий Дмитрий Адамович Масальский-Сурин».

⁶ Шурин (фр.).

На днях из Либавы вернулась сестра моего мужа и привезла мне самые утешительные известия о моем пасынке и его деятельности, характере и пр[очем]. Только здоровье его не вполне восстановилось после перенесенных «пыток!» на юге... Ему очень хочется, несмотря на свои 23 года, жениться и, вспоминая желание его отца, хотел бы иметь женой Катю, нашу третью дочку А[лексей] А[лександровича]. Но Катя пока слышать не хочет о замужестве, хочет доучиться, т. е. кончить университет, что возьмет у нее еще три года. К сожалению, решено, кажется, закрыть ее факультет... И Держ[авин]¹ поехал на днях в Москву хлопотать о том, чтобы как-нибудь сохранить гуманитарные науки. Уже из одного этого Вы можете видеть подтверждение дошедших до Вас слухов о блестящем положении граммат[ики] и филологии.

Что же касается Ол[денбурга], то, к сожалению, Ваш коллега совершенно прав! Ол[денбург] огорчает всех друзей своих... Многие стали его избегать! Уже весной, но тогда Вы были у нас², разве Вы не обратили внимание на его направление?.. Ученые, действительно, за эти два последние года, выдохнули, поправились... Но не он ли принял меры к тому, чтобы прекратить пайки, арн [далее слово не читается]. Что им руководит, никто не понимает. Esprit de contradiction³ его всегда отличало, но все же бывает мера! Прибавлю еще, что женитьба его оказывает на него плохое влияние.⁴ Мы все так ценили в

¹ Державин Николай Севастьянович (1877 – 1953), филолог-славист, литературовед, историк, в 1922-1925 годах был ректором Петроградского университета.

² Речь идет о поездке Олафа Брока весной-начале лета 1923 года в Москву и Петроград, где он собрал материал для книги «Диктатура пролетариата», изданной на норвежском языке в Кристиании (Осло) осенью того же года; впервые эта книга была переведена на русский язык в 2018 г. и вышла в Из-ве им. Сабашниковых.

³ Дух противоречия (фр.).

⁴ В феврале 1923 года после 32 лет вдовства С. Ф. Ольденбург женился вторым браком на Елене Григорьевне Головачевой, урожденной Клеменц (1875 – 1955). Елена Григорьевна была дочерью юриста, мирового судьи из Самарской губернии, и племянницей известного народовольца Д. А. Клеменца, который во время сибирской ссылки стал этнографом и археологом и по возвращении в Петербург работал в Музее антропологии и этнографии, а затем организовывал этнографический отдел Русского музея. Елена Григорьевна училась на Бестужевских курсах и познакомилась с С. Ф. Ольденбургом в 1898 г. в доме своего дяди. Позднее она вышла замуж за политического ссыльного статистика Д. М. Головачева и много лет работала учительницей в Сибири. В конце 1922 года, она приехала в Петроград, и вскоре был оформлен ее брак с С. Ф. Ольденбургом. Елена Григорьевна была энергичной и практичной женщиной, и некоторые родственники и друзья Ольденбурга имели к ней претензии.

нем то, что он окружил себя семьей... На них он работал – невестка с двумя прелестными девочками, ее две сестры (одна умерла, другая вышла замуж), одинокий племянник, одинокая глухая старушка-тетушка... И вот с осени этого года все это выселено (!)... Взамен их приехали из Читы сын его второй супруги, его жена, ее племянница и поселились у него... Бог ему судья! Но участь, на редкость прелестных, внушек его особенно всех огорчает... Были случаи такого «унижения» интел[лигенции], что люди с возмущением отходят от него. Завтра, когда дух Ваш будет с нами на первом вечере в память А[лексея] А[лександровича], мы не позовем его.¹

Прилагаю опять почту! Простите за хлопоты и труд. За пересылку же я надеюсь мои скоро возместят Вам... А теперь вся семья шлет Вам и Нине Ивановне самый искренний привет. Не забудьте к свадьбе второй дочки непременно сделайте подарок от нас... Потому что наша вторая, хотя и старшая, как у Вас, может выйти замуж только благодаря Вашей заботе о доставке пересылаемых сумм... Иначе как могла бы она решить даже просто сшить себе хоть немножко белья? Теперь долл[ар] стоит гораздо дешевле. Вся свадьба и все приданное Сони стоило 150 долларов. Эта парочка тоже безумно счастлива и любят друг друга «все больше», если это возможно. Триста дол[аров] им отложено в капитал, и пока мне удавалось им выдавать с него %, что служит им большой поддержкой. Хотелось бы тоже устроить для Олечки, но свадьба и приданное ее будут дороже – из-за падения долл[ара], во-первых, (после наступившей денежн[ой] реформы), во-вторых, для Сони мы могли еще кое-что найти в своих сундуках да и свадьба второй, и сами «женихи» – все это как-то серьезнее и важнее... А вот что печально, что о[тец] Владим[ир], который венчал Соню, успел только в Сочельник благословить вторую пару... Он в числе заключенных 55 священников.² И если не сошел с ума в тюрьме, то во всяком случае в таком нервном расстройстве, что на днях его перевезли в тюремную

¹ Однако из письма Евгении Александровны С. Ф. Ольденбургу следует, что на этом вечере памяти он присутствовал: «Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Федорович! Не могу не выразить Вам признательности за те горячие слова, которыми Вы вспомнили вчера моего брата! Чем дальше мы уходим от его кончины, тем дороже, ценнее, трогательнее каждое слово воспоминания о нем, как доказательство, что настоящие друзья его не забыли... Поэтому у меня и вырывается это – спасибо Вам! Ваша Е. Масальская». P.S. Олаф Ив[анович] Брок просил Вам передать, что он выбран генер[альным] секретарем Христ[ианской] Ак[адемии] Наук». Генеральным секретарем Норвежской Академии наук Олаф Брок был избран в 1924 году.

² Видимо, оказался в числе арестованных по делу «Спасского братства» в начале февраля 1924 года.

больницу. Мы все ужасно этим огорчены... Исход же ожидаем – ссылка или вечное заключение. За что?!.. О, ставлю точки, точки...

17-ое Вчера был наш первый вечер. Сонечка прочла посмертное почти письмо отца, написанное уже перед самой операцией о смысле жизни... Очень длинное и обстоятельное. Друзья взяли его переписывать. Затем я прочла несколько глав из детства брата и в десять ч[асов] пила чай. Все были, по-видимому, очень довольны...

Несмотря на утверждения Евгении Александровны в «Исповеди» В. Д. Бонч-Бруевичу, что после выхода «Диктатуры пролетариата» (1923) отношения с Олафом Броком после тридцатилетней дружбы были прерваны навсегда, сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что эти отношения не прерывались.

Посетить Глубокое Евгении Александровне удалось только в августе 1925 года, тогда она отправила Броку две телеграммы, в которых нет даже намека на прерванные отношения, так же, как нет подобных намеков в приведенном выше письме от 15.3.1924. Как в приведенных выше письмах Евгении Александровны к Броку, так и в телеграммах излагались распоряжения о деньгах: 19 августа она попросила немедленно перевести брату покойного мужа, Дмитрию Адамовичу, 400 долларов, а через несколько дней, 25 августа, увидев истинное положение дел в Глубоком, послала Броку телеграмму о том, чтобы запрошенных денег он не посылал ни в коем случае.

Последний раз в Глубоком Евгения Александровна была с июля 1926 до конца января 1927 года. Эта поездка тоже была вызвана улаживанием дел, связанных с имением, но теперь уже Евгении Александровне пришлось сражаться не с польскими властями, а с пасынком, который объявил себя единовластным хозяином имения. Отношения с Димой были настолько невыносимыми, что Евгения Александровна была вынуждена покинуть Глубокое и остановиться у приютивших ее приятелей Чеховичей в Свенцинском уезде.

Через год, в июле 1928 года, пасынок утонул, а Евгению Александровну начали подозревать в его отравлении. Все закончилось тем, что польские власти дали разрешение на проведение эксгумации трупа, в результате чего было установлено, что смерть Дмитрия Викторовича Масальского-Сурина была вызвана параличом сердца, когда он, находясь под воздействием алкоголя, бросился в воду. Однако и после этого медицинского заключения слухи об отравлении «мачехой с востока» не прекращались. Отношения с родственниками покойного мужа, претендовавшими после смерти племянника на безраздельное владение имением, были крайне напряжены, и отстаивать долю, принадлежащую семье Шахматовых, приходилось с большим трудом в непрекращающихся скандалах.

Вернувшись после полугодичного отсутствия в ленинградскую квартиру покойного брата, Евгения Александровна почувствовала неприятные перемены, которые выражались в недружелюбии, высокомерии и даже враждебности со стороны Натальи Александровны. Стараясь не обращать внимания на перемены в отношениях невестки, Евгения Александровна сосредоточилась на записях всего, что помнила о жизни покойного брата и продолжила работу над воспоминаниями о нем.

Из членов семьи Шахматовых идею написания воспоминаний горячо поддержала дочь академика Соня. Евгения Александровна работала над воспоминаниями довольно долго и никак не решалась признать свой труд завершенным. Видя такую нерешительность, Соня сама, без ведома Евгении Александровны, списалась с М. В. Сабашниковым и договорилась об издании воспоминаний об отце.

Несмотря на тяжелое экономическое положение издательства, в начале 1929 года первая часть, из запланированных трех¹, «Повесть о брате моем» была издана и сразу же получили высокую оценку специалистов. Так, например, уже в марте в докладе большого знатока книги и книжного дела И. А. Кубасова, прочитанном в Пушкинском Доме, отмечалось: «При всем желании отвести повести Е[вгении] А[лександровны] место в нашей мемуарной литературе, заставляет пока воздержаться от этого. Но если судить только по первому выпуску, то можно утверждать, что это прежде всего художественная Повесть, художественное произведение, которое по его достоинствам, по мастерству автора, можно поставить в ряд с первоклассными произведениями подобного рода. [...] Это – большая, играющая живыми красками мозаичная картина, составленная из натуральных, подлинных семейных и бытовых мелочей, порою в отдельности едва заметных. Но все эти самоцветные мелочи так искусно подобраны, что в общем сливаются в красивую гармонию, в сущности, разрозненных клочков давно пронесшегося растаявшего во времени былого, но властью художника превращенное в стройное, красивое и – что важнее всего – теплеющее жизнью. И вот поскольку в нем теплится эта былая жизнь, чувствуется биение пульса, которое явственно ощущается в бесчисленно приведенных документах в виде подлинных писем, поскольку она эта Повесть и летопись-хроника, она – сама документ, надежный материал для биографии Алексея Александровича, весьма ценный для

¹ При этом самая первая часть «При родителях» в издание включена не была, очевидно по цензурным соображениям. Опубликована была часть, вошедшая в издание 2012 г. под названием «Легендарный мальчик», в которой повествование начинается с 1871 г. В предисловии М. А. Цявловского к выпуску 1929 года дается лишь краткое изложение предыдущих глав.

понимания тайны гениальных личностей надежными воспоминаниями, о которых мы вообще не богаты, даже бедны».¹

Но вдова брата, Наталья Александровна, на этот счет имела совсем другое мнение: она считала, что поскольку Евгения Александровна не принадлежит к профессиональному кругу покойного академика, то она не должна писать воспоминания о нем и тем более не должна писать о его личной жизни, его жене. После выхода первой части воспоминаний обстановка в доме стала совершенно невыносимой, поэтому под предлогом устроить место для летнего отдыха для племянниц в конце сентября 1929 года Евгения Александровна уехала в Гудауту к своей подруге Элле Куцвинской, с которой в юности работала в Бессарабии. Евгения Александровна рассчитывала остаться на Кавказе если и не навсегда, то очень надолго, но через пару недель вернулась в Ленинград, получив письмо от Сони, умолявшей срочно приехать, поскольку ее муж, отпущенный из-под ареста, снова был арестован.

Вскоре после возвращения в Ленинград Евгения Александровна была арестована. Поводом для ареста послужило письмо Олафа Брока к ней, написанное осенью 1923 года и найденное при обыске в бумагах арестованного профессора В. Н. Бенешевича². Письмо вызвало подозрение, что Евгения Александровна воодушевила норвежского профессора к написанию «Диктатуры пролетариата». Но это были только подозрения, а доказательств никаких не было и быть не могло, потому что Олаф Брок был очень осторожным в переписке с коллегами из советской России. Так, например, не встретившись летом 1930 года в Ленинграде с П. Н. Сакулиным, поскольку тот уже уехал в Москву, Брок писал ему: «Не знаю, вернусь ли я еще в Россию, где был теперь в третий раз по архивным делам. Я очень хотел бы поговорить с Вами об иных вопросах, о которых не так удобно писать. Между прочим, о судьбе иных существ, которая мучит как не соответствующая понятию

¹ РГАЛИ, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 398, л. 4.

² Бенешевич Владимир Николаевич (1874 – 1938), специалист в области церковного права, историк, византинист, палеограф, член-корреспондент РАН (1924); в 1925-1928 гг. был главным библиотекарем и хранителем греческих рукописей в Публичной библиотеке в Ленинграде. В 1928 был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Ватикана, Германии и Польши, осужден на три года и отправлен в Соловецкий лагерь. В 1930 был арестован в лагере, возвращен в Ленинград и привлечен к «Академическому делу». Видимо, тогда у него и было найдено письмо О. Брока к Евгении Александровне. В 1931 В. Н. Бенешевич был приговорен к пяти годам лишения свободы и отправлен в Ухта-Печерский лагерь; в 1933 году был досрочно освобожден по ходатайству В. Д. Бонч-Бруевича; 27.11.1937 снова арестован, обвинен в шпионаже, расстрелян 17.1.1938 по приговору особой ройки НКВД.

цивилизованного государства».¹ Не трудно догадаться, о ком Брок хотел говорить с коллегой: прибыв в Россию для изучения архивных материалов, Брок узнал об арестах его знакомых, коллег и друзей: В. Н. Бенешевича, М. Д. Приселкова, С. Ф. Ольденбурга и др. В письме П. Н. Сакулину фамилий «иных существ» Брок не называет, как не называл он их в «Диктатуре пролетариата», поскольку понимал, насколько это опасно для людей, оказавшихся в «советском раю».

В «Исповеди» Бонч-Бруевичу Евгения Александровна пишет: «Совесть же у меня была покойна, потому что даю Вам слово, что в сообщениях норвежской брошюры я нисколько не была виновата, ни единым словом не дала Олафу Ивановичу повода вывести неподобающие и ложные выводы». Но если бы в руки ОГПУ вместо письма Олафа Брока к Евгении Александровне попало хотя бы одно из ее писем к норвежцу, приведенных выше, ее дело приняло бы совсем другой оборот и не закончилось бы несколькими месяцами в ДПЗ.

Отречение Евгении Александровны от Брока ни в коем случае нельзя принимать «за чистую монету» и тем более упрекать ее в «неискренности», поскольку для того, чтобы выжить самой и спасти семью брата необходимо было жертвовать многим, в том числе и своими жизненными принципами.

Как следует из «Исповеди», в 1930 году все зарубежные друзья, в том числе и по инициативе самой Евгении Александровны, прекратили с ней переписку. В архиве Шахматовых в СПФАРАН и РГАЛИ не сохранилось ни одного письма Олафа Брока к Евгении Александровне, хотя в СПФАРАН хранятся его письма к Алексею Александровичу, умершему в 1920 году, т. е. задолго до массовых репрессий славистов. По той же причине, видимо, сохранились его письма к А. А. Кунику, В. И. Ламанскому, Ф. Ф. Фортунатову и др. Не сохранились письма Брока в архивах ряда известных ученых, с которыми он состоял в переписке после выхода его книги в 1923 году (А. М. Селищев, К. Я. Грот, В. Ф. Шишмарев, И. П. Павлов и др.). О том, что переписка была, свидетельствуют письма этих ученых в архиве Брока. Правдоподобно, что письма Брока уничтожались и как нежелательное свидетельство о связи с автором скандального «памфлета», и как улики в связи с иностранцем.

В то время, пока Евгения Александровна находилась под арестом в ДПЗ, Наталья Александровна не только хлопотала о ее освобождении через Е. П. Пешкову², но и уничтожила дневники и другие наиболее ценные бумаги Евгении Александровны, объясняя свои действия

¹ РГАЛИ, ф. 444, оп. 1, ед. хр. 150, л. 7: письмо О. Брока к П. Н. Сакулину от 18.6.1930.

² Пешкова Екатерина Павловна (урожд. Вожина, 1876 – 1965), первая жена А. М. Горького.

опасением обыска, которого, впрочем, так и не было. Евгения Александровна перенесла такое обращение со своими бумагами очень тяжело и считала, что невестка не столько боялась обыска, сколько хотела всеми способами помешать завершить воспоминания о брате. Обстановка в доме стала совершенно невыносимой, и Евгения Александровна в очередной раз оказалась перед сложным выбором: нарушить обещание, данное покойному брату, оставить его семью и закончить воспоминания, или продолжать страдать, отказавшись от мысли завершить работу. В таких размышлениях прошел почти год. Единственным выходом из сложившейся ситуации было получение места в Доме для престарелых ученых. Первого марта 1932 года Евгения Александровна отправила свою «Исповедь» Бонч-Бруевичу.

Обращение именно к Бонч-Бруевичу объяснялось тем, что еще до революции академик Шахматов оказывал помощь будущему управляющему делами Совнаркома не только в собственно научных вопросах, но и хранил вместе с И. И. Срезневским документы и нелегальную литературу, переданные в архив Академии при посредничестве Бонч-Бруевича. Поэтому, как следует из «Исповеди», Алексей Александрович за несколько дней до смерти сказал сестре, что при необходимости за помощью она должна обращаться к этому человеку.

В. Д. Бонч-Бруевич, известный партийный и государственный деятель, будучи директором Государственного Литературного музея, в 1930-е годы занимался комплектованием коллекций этого музея: «Подавляющее большинство приобретенных им в это время ценнейших рукописей погибло бы в предвоенные и военные годы, если бы владельцы этих рукописей не решились передать их в государственный музей, нередко уступив лишь страстной настойчивости директора»¹, он «решал вопросы не только комплектования, но и материальной помощи малоимущим писателям и поэтам».² Есть и другие мнения по поводу этой деятельности Бонч-Бруевича, но кроме спасенных материальных ценностей, более ценным было спасение и возвращение к жизни людей, оказавшихся в тяжелом положении «бывших»: «Совершенно невольно и бессознательно всё-таки Вы зажигаеете огонь в потухшей жизни, то есть даёте смысл и цель».³

¹ Чудакова М. О. Рукопись и книга: Рассказ об архивоведении, текстологии, хранилищах рукописей писателей: Книга для учителя. М., Просвещение, 1986, с. 163.

² Горяева Т. М. Одна из оригинальнейших и замечательных реализаций, осуществленная в СССР (к 70-летию РГАЛИ). Отечественные архивы. 2011. № 2, с. 27.

³ Из письма Е. А. Масальской к В. Д. Бонч-Бруевичу: НИОР РГБ, ф. 369, картон 299, ед. хр. 43, 1933 год, л. 3.

Благодаря Бонч-Бруевичу, в июне 1932 году Евгения Александровна получила комнату в Доме престарелых ученых на Халтурина¹ и сразу же включилась в работу по сбору материалов для ГЛМ. В первую очередь, она передала в ГЛМ хранившиеся у нее бумаги семьи Шахматовых, ее мужа Масальского-Сурина, свои уцелевшие от уничтожения невесткой дневники, объемную переписку, рукописи научных работ по скандинавским сагам, перевод с французского дневников А. А. Толстой, а также рукописи своих литературных произведений. Сейчас эти документы хранятся в РГАЛИ и СПФАРАН.

Благодаря стараниям Евгении Александровны в ГЛМ было передано и сохранилось до наших дней множество ценных документов, рукописей, предметов искусства, которые без ее активной деятельности бесследно бы исчезли: переписка Лескова, Кони, и др.

Но, как следует из заявления в КСУ², главным аргументом для назначения Масальской государственного обеспечения и выделения комнаты в Доме престарелых ученых была необходимость создания условий для завершения работы над воспоминаниями: «Повесть доведена до 1894 г., т.е. до выбора А. А. Шахматова академиком. Осталось, т[аким] о[бразом], воспроизвести наиболее важную и интересную для ученого мира полосу его жизни, для чего в руках Е[вгении] А[лександровны] имеется ценнейший материал. Однако, как раз в настоящее время, для продолжения этой работы, требующей особого внимания и напряжения, она, в силу неблагоприятно сложившихся материальных условий жизни в семье вдовы покойного брата, лишилась минимальных удобств, и этот начатый труд, равно как и другие без содействия КСУ могут остаться незаконченными».³

Однако работа над воспоминаниями шла, видимо, не так быстро, как ожидалось. Какое-то время в работе Евгении Александровне помогал досрочно освобожденный по ходатайству Бонч-Бруевича В. Н. Бенешевич: «С В[ладимиром] Н[иколаевичем] мы пересмотрели весь собранный материал о брате. Он был страшно счастлив получить Ваше письмо, в котором Вы мельком упоминаете о его жене, и вообще оживает, приступил к работе, хотя паспорта еще не получил, но ему на словах

всё-таки обещали, и все очень к нему приветливо относятся, что его крайне трогает».¹

Как следует из переписки, от работы над воспоминаниями Евгению Александровну отвлекали проблемы с публикацией её работы об Ингегерде, увлеченность сбором материалов для ГЛМ, забота о семье покойного брата, друзей и знакомых: «А пока я пытаюсь наладить работу о брате, что пока мне плохо удается из-за бедности материала. В[ладимир] Н[иколаевич] очень уговаривает и подгоняет меня, я – несомненно – и повезу свой воз, но как неважная лошадь, с помощью кнута, “без божества, без вдохновенья”».²

Отсутствие «божества и вдохновенья» было вполне закономерно. Несмотря на оптимистический тон писем к Бонч-Бруевичу и постоянное высказывание благодарности советскому правительству за выделенный угол и кусок хлеба, действительность была удручающей: за волной арестов по «академическому делу» последовали аресты по «делу славистов»; близкий друг, помощник и единомышленник В. Н. Бенешевич, освобожденный в 1933 году, в ноябре 1937 года был снова арестован по обвинению в шпионаже и в январе 1938 года расстрелян по приговору особой тройки НКВД. И в этой обстановке, пусть и «без божества, без вдохновенья», Евгения Александровна не прекращала работу над воспоминаниями: она переработала и дополнила текст, подготовленный к изданию в 1929 году, и довела повествование до конца 1919 года.

Надо было обладать сильной волей и мужеством, чтобы продолжать писать, когда шли повальные аресты и когда на издание книги не было ни малейшей надежды. В своих воспоминаниях М. В. Сабашников писал: «Мы выпускали в «Записях Прошлого» воспоминания Масальской о Шахматове. I часть благополучно выпустили, а II и III части были в рукописи разрешены и уже в набранном и сверстанном виде находились в корректуре, когда наш сотрудник, посещавший типографию, сообщил мне, что среди наборщиков он слышал недобрительные разговоры о книге Масальской. Вскоре затем меня вызвали в Главлит, где мне было объявлено, что Главлит берет назад свое разрешение и запрещает обе части. Как выяснилось, наборщиков соблазнили описание молебна о дожде в голодный 1891 год, и они написали Главлиту письмо с осуждением книги. После такого случая никакие доводы не могли спасти книгу».

¹ В 1991 г. улице было возвращено прежнее название Миллионная.

² Комиссия содействия ученым: СЗ СССР 1931 г. № 26, ст. 212: Об образовании при Совете народных комиссаров Союза ССР Комиссии содействия ученым. Опубликовано в № 122 Известий ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 5 мая 1931 г.

³ РГАЛИ, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 399, л. 5.

¹ Из письма Е. А. Масальской к В. Д. Бонч-Бруевичу от 27.5.1933: НИОР РГБ, ф. 369, картон 299, ед. хр. 43, 1933 год, л. 20 об.-21.

² Из письма Е. А. Масальской к В. Д. Бонч-Бруевичу от 23.6.1933: НИОР РГБ, ф. 369, картон 299, ед. хр. 43, 1933 год, л. 22 об.-23.

Подвергнуть такой же судьбе продолжение воспоминаний о брате для старшей сестры было недопустимо. Поэтому, оставаясь верной своему принципу «прямо – твердо – смело», продолжая переписываться с Бонч-Бруевичем и информировать его о своей работе над воспоминаниями, Евгения Александровна на самом деле создала две версии воспоминаний: воспоминания с 1908 по 1914 год, о чем свидетельствует машинописный, явно не первый, экземпляр плохого качества, хранящийся сейчас в РГАЛИ¹, и семейную хронику, состоящую из очерков, в которой воспоминания начинаются тоже с 1908 года, но доведены до декабря 1919 года.

Если в изданных воспоминаниях, заканчивающихся 1894 годом, события развиваются в одной семье, где на первый план выступает опека и забота старшей сестры над младшим братом, то в хронике, охватывающей 1908-1919 годы, роли меняются, и старшая сестра во всех сложных ситуациях обращается за поддержкой и помощью к младшему брату. Если в воспоминаниях старшая сестра невольно как бы заслонила собой главного героя, то в хронике, вольно или невольно, ясно показано, что, повзрослев и обзаведясь собственными семьями, они остаются членами большой семьи Шахматовых. И это касается всего: и спасения безнадежного положения влюбленных Евгении Александровны и Виктора Адамовича, когда Алексей Александрович, оставив свою жену на руках с новорожденной дочерью, помчался в Вену устраивать свадьбу сестры, потому что без его помощи и связей это вряд ли было бы возможно; и решения сложных экономических проблем не только советом, но и вкладом собственного капитала; и моральной поддержки брата в сложных лабиринтах академических интриг, и жертвование собственным благополучием ради поддержки семьи брата после его смерти.

С одной стороны, в центре «Истории с географией» находится семья Масальских-Суриных, и события, складывающиеся в истории, развиваются вслед за географией поисков, покупок и продаж имения, но с другой стороны, в каждой главе присутствует Алексей Александрович, его дела, мысли, заботы, настроение, научные идеи. В «Истории с географией» не пропущено и не обойдено вниманием ни одно сколько-нибудь значимое событие ни в его академической жизни, ни в жизни его семьи.

В повествовании постоянно переплетается всё, чем жила большая семья Шахматовых: семейные хлопоты, здоровье детей, душевное состояние, академические дела: «Теперь мы могли радостно ожидать приезда Лели к нам на Рождество. Сонечка выздоровела, и сам он с ра-

¹ РГАЛИ, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 87, 491 л.

достью думал о предстоящем свидании. Его последние письма дышали столь редким у него спокойствием. Ему был приятен приезд Корша. Другого московского профессора В. Ф. Миллера тоже выбрали академиком, и это очень радовало его».

Выдержки из писем Алексея Александровича к сестре передают его переживания в дни, наполненные тревогой и в семье, и в академии, и свидетельствуют о том, насколько важно для него было общение с близкими особенно в трудную минуту: «Третьего мая, сегодня, мы провожаем Тетю и детей. Не оставляй меня теперь своими письмами, так как то, что ты пишешь Тете до меня уже не дойдёт! Седьмого мая у нас совещание славянских академий. Начался приезд делегатов, ждём также Ягича. Надеюсь, что все пройдёт мирно, и Соболевский, которому я охотно предоставил главную роль, не поссорится с приезжими академиками».

Тяжелое время одинокая овдовевшая сестра и брат переживают вместе в Петрограде, отправив остальных членов семьи в менее опасное место. Жизнь семьи Шахматовых, как и многих других, постепенно превращалась в выживание: «Зима была тяжелая и грустная. Мы провели ее в академии вдвоем с братом. Я пропущу и перелистну эту страницу. Пройдя через невероятные трудности, нам удалось добраться до Актарска на Рождество к нашим дорогим родственникам. Но что за печальные новости и какое отчаяние? К середине января 1918 года мы вернулись в академию и опять остались вдвоем настороже в ожидании немцев».

Над семейной хроникой Евгения Александровна работала очень усердно, и именно для нее она использовала первый экземпляр от машинописной рукописи, хранящейся в РГАЛИ. Для того, чтобы воспоминания о брате, переработанные в семейную хронику, не постигла участь Ингегерды, Евгения Александровна нашла способ, минуя официальные советские каналы, переправить эту рукопись в единственно надежное место, в Норвегию, единственному другу покойного брата норвежскому профессору Олафу Броку.

Из скупой архивной записи следует, что Евгения Александровна скончалась в 1940 году¹, место ее захоронения неизвестно. Но сейчас нам известно, что рукопись, отправленная ею в Норвегию, сохранилась в Норвежской национальной библиотеке, в архиве профессора Брока среди неопищенного материала. Эту рукопись я нашла в августе 2016 года, а через два месяца в Москве нашла автограф Евгении

¹ ГАРФ, ф. Р-8409. оп. 1, д. 639, с. 123-124.

Александровны¹, который служит своего рода эпилогом к рукописи, найденной в Осло.

Рукопись Е. А. Масальской-Суриной хранится в Норвежской национальной библиотеке в Осло, в архиве профессора Олафа Брока среди необработанных материалов, Olaf Broch, Brevs. 337, Ubeh., в архивных папках VI и VII.

В папке VI, в свернутом картоне в виде самодельной папки, находится три части рукописи, четвертая часть, написанная по-французски, находится в конверте, вложенном в папку VII. Вся рукопись напечатана на машинке. Главы сшиты в отдельные тетради, первые одиннадцать тетрадей по корешку проклеены черной лентой.

На конверте, в котором находится четвертая часть, имеется надпись по-норвежски: «Брок. Проф[ессор] Станг думает, что это художественная литература. Предлагает спросить Хьетсо». Правдоподобно, что конверт был подписан при передаче материалов в архив, не позднее июня 1977 года. Упоминаемые Станг (Christian Schweigaard Stang, 1900 – 1977) и Хьетсо (Geir Kjetsaa, 1937 – 2007) – это профессора литературы Университета Осло.

Нумерация глав в этой части не продолжается после предыдущей, а начинается заново. Названия глав иногда напечатаны, иногда написаны карандашом или ручкой или отсутствуют.

В этом конверте, кроме скрепленных вместе 123-х листов формата А4 с текстом четвертой части, вложено три тетрадных листа: один двойной, вынутый из середины тетради, и два одинарных. На одном листе рукой Евгении Александровны написано: «История с географией в 6-ти очерках». Ниже строки заклеены полоской белой бумаги, но на просвет видны три строки: начало первой строки не читается, но читается два слова в конце: «земского начальника», далее, дважды под цифрой два, написано: «2. Общественные работы в Губаревке в 1898-1899; 2. Общественные работы в Бессарабии 1899-1900». Далее, ниже, в столбик, перечислены и пронумерованы очерки: «3. Минск; 4. Щавры; 5. Сарны; 6. Глубокое». На двух других листах под заголовком «Содержание» перечислены главы первых трех очерков, причем нумерация начинается с третьего очерка, т. е. первый очерк «Минск» идет под номером три. Четвертый очерк, «Глубокое», указан только в оглавлении, перечня глав, т. е. содержания, в отличие от первых трех, на вложенных листах, нет.

Как уже было сказано выше, для создания этой рукописи был использован первый машинописный экземпляр, но в него были внесены

значительные изменения: главы перенумеровывались, листы менялись местами, названия глав изменялись, о чем свидетельствуют многочисленные наклейки, зачеркивания, изменение нумерации и т. д. Исправления в текст вносились карандашом и чернилами.

Нет сомнения в том, что четвертая часть готовилась для отдельной публикации, она написана по-французски и никак не была «адаптирована» к предыдущим трем частям, но поскольку эта часть указана автором в оглавлении, то она включена в настоящую публикацию. Изучение этой рукописи позволят предположить, что сначала была предпринята попытка продолжить воспоминания по той же схеме, что использовалась раньше, но материала, видимо, было недостаточно, потому что осенью 1894 года Алексей Александрович уже переехал в Петербург, встречи были нечастыми, а письма этого периода, видимо не сохранились, потому что большая часть переписки погибла во время погрома в имении в Гурбаевке. То, что возможно было написать об этом периоде, не опираясь на письма, – это воспоминания о времени, проведенном самой Евгенией Александровной в Губаревке и о ее работе в Бессарабии. Больше материала, видимо, сохранилось за 1908-1914 годы, на основании которого и были написаны воспоминания о брате, охватывающие этот период.

Но если в воспоминаниях о детских и юношеских годах брата первый план часто занимала сестра, то в воспоминаниях о взрослой жизни брата повествование часто переключалось на события в семье сестры. Поэтому, видимо, и было решено воспоминания о брате заменить семейной хроникой в очерках. Когда именно такое решение было принято, сказать трудно, но до какого-то времени работа велась тщательно и последовательно, а потом в какой-то момент, вдруг работа прервалась, все, что было под рукой, включая черновик с перечнем глав, небрежно написанных карандашом на клочке бумаги, было собрано вместе и отправлено в Норвегию: без предисловия, с заклеенным названием первых очерков, с нарушенной из-за этого нумерацией частей в оглавлении и четвертой частью на французском языке, вместо русского. В таком виде рукопись была спасена, сохранилась в архиве в Осло и сейчас позволяет восполнить существенный пробел не только в биографии ярчайшего представителя российской науки, но и его академического окружения, друзей, членов семьи, его родных и близких.

В предлагаемом издании текст публикуется с сохранением авторского стиля и пунктуации. Опечатки, описки, орфографические, грамматические и пунктуационные ошибки исправлены; используемое автором написание месяцев, должностей, чинов, званий, учреждений с прописной буквы исправлено на строчную; sporadически встречающиеся в тексте устаревшие грамматические формы и буквы заменены

¹ РГАЛИ, ф. 318, д. 1, ед. хр. 399, л. 347-393.

на современные. Все даты, если нет специальных оговорок, приводятся по старому стилю. В подстрочных примечаниях помещены авторские примечания, пояснения к тексту, а также перевод иностранных слов, библиографические отсылки, комментарии редактора и составителя. Указатель имен и примечания по содержанию вынесены в конец книги.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить за помощь в подготовке настоящего издания сотрудников специального читального зала Норвежской национальной библиотеки и, в первую очередь, Нину Корбу (Nina Korbu); сотрудников читального зала РГАЛИ за оказанную помощь; ведущего научного сотрудника НИОР РГБ Татьяну Владимировну Анисимову благодарю за ряд консультаций и сверку фрагментов текста с оригиналом; за помощь в практических вопросах благодарю норвежских коллег Ингвиль Брок (Ingvild Broch), Бьярне Скова (Bjarne Skov) и Хельге Блаккисрюда (Helde Blakkisrud).

Т. П. Лённгрен
Университет Тромсё – Норвежский Арктический Университет

Часть I. МИНСК

Глава I

ОКТАБРЬ 1908. ПЕРЕВОД В МИНСК

Осень... Губаревка пустела. Сперва уехал в Петербург Леля*, в начале сентября, вскоре затем Наташа, забрав своих «душечек» (как называла Тетя-бабушка своих внучек), забрав гувернантку, бонну и свой штат прислуги; сестра Оленька с приятельницей своей старушкой Ольгой Александровной Лидерт уехала в Петербург позже, в десятых числах октября. И нам с мужем пора было уезжать в Минск на службу: месячный отпуск Вити кончался 14 октября, но мне пришлось отпустить его одного, предстояло дожидаться Тетушку**, у которой все еще не были закончены ее «душевные дела», связанные с ее школами. Я дожидалась ее, потому что она решила зимовать у нас в Минске, а Оленька обещала к нам приехать не раньше как через месяц. Тетушке было теперь под семьдесят лет и, хотя все еще бодрая духом, она начинала сдавать физически, отпускать ее в далекую и непривычную дорогу не хотелось. Но, кроме того, мне предстояло завершить последний акт нашей земельной ликвидации, а наша последняя купчая на Липяги была назначена на конец октября.

За эти три года, начиная с 1905 года, мы продали всю нашу землю. Хозяйничать становилось все труднее. В Саратовском уезде стоял опять период засух и неурожая. Крестьяне совсем не платили аренды, а банк собирал проценты все так же усердно; пени росли с невероятной быстротой; приходилось занимать деньги и еще на них платить проценты, чтобы не лишиться последнего достояния на торгах Дворянского банка¹ – так, в последние годы, уходила вся помещичья земля, и не в одной Саратовской губернии! Быстро, на нет, сходила вся дворянская Русь.

* Так в семье называли Алексея Шахматова, младшего брата Евгении Масальской. См.: Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. – М.: Из-во им. Сабашниковых, 2012. – *Примеч. ред.*

** Шахматова Ольга Николаевна (рожд. Челюстинина), тетя, заменившая детям Шахматовым рано умершую мать. Здесь и далее: в этом значении сохраняется написание с прописной буквы. – *Примеч. сост.*